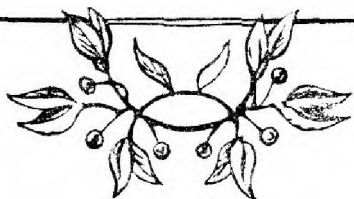

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a winged element.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical, wing-like extensions on either side, positioned above a horizontal line.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Н. А. Островский

ПИСАТЕЛЬ В БОРЬБЕ ЗА ЧИСТОТУ, ЯСНОСТЬ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗА ИСКУССТВО ВЫСОКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ¹

Проблема языка нашей художественной литературы, с такой силой и непримиримостью поставленная Алексеем Максимовичем Горьким, уже давно требовала тревожных сигналов, предупреждающих об опасности.

Засорение нашего прекрасного русского языка всякого рода искажением уже существующих слов или «созданием» новых, в большинстве случаев несуразных, бессмысленных, лишенных какой-либо образности, просто непонятных слов не может быть более терпимо <...>

Язык литературы — важное орудие производства для писателя, и о нем надо говорить. Для нас, литературной молодежи, только вчера вступившей в литературу, проблема языка, сюжета, композиции является основной проблемой, требующей развернутой самокритики и учебы.

Откуда у нас в молодежных книгах такие слова, как: шамать, топать, мура, буза, шпалер, похрял, сбондил и т. д. и т. п.? Все это не создано авторами, а взято напрокат из воровского жаргона. Преступный мир — уголовщина — в целях некоторой конспирации десятилетиями создавал свой жаргон, совершенно непонятный неискушенному слуху. И вот это чуждое пролетариату просочилось сначала отдельными словечками, а затем в большом количестве в обиход и отсюда в литературу. Как видим, язык тоже стал объектом борьбы, и в него заползли благодаря нашему попустительству словесные паразиты <...>

Могут сказать, что писатель должен говорить подлинным языком своих героев, а если эти герои говорят, допустим, на воровском жаргоне, то это не его, автора, вина, — писать иначе — значит, исказить правду. Я думаю, что мы не можем вступать на путь фотографирования.

Истинный художник может найти неисчерпаемый источник правдивых, волнующих, незабываемых образов и картин, отображающих нашу действительность и прошлое во всей их многогранности, без того, чтобы уродовать полнозвучный, красочный, богатый русский язык. Что может быть отвратительнее изощренной до предела ругани? <...>

Л. Толстой в романе «Воскресение» рисует царскую тюрьму со всей ее беспробудностью и жутью, рисует проституток, воров — без матерщины, а между тем, как ярко, с какой страшной убедительностью описаны все эти люди. Дело, значит, не в словах, а в мастерстве <...>

Талантливо написанная книга, насыщенная художественной правдой, обычно живет дольше своего автора. Об этом мечтает каждый писатель. И можем ли мы, непосредственные участники и свидетели величайшей в мире пролетарской революции, оставлять в наследство, наряду с хорошими художественными ценностями, всю эту словесную бытовую накипь будущему поколению, рожденному в социалистическом обществе, освобожденному от всей грязи старого мира? Мы, литературная молодежь, учимся у мастеров, и часто их ошибки становятся нашими ошибками.

Критика — это правильное кровообращение, без нее неизбежны застои и болезненные явления. Я вспоминаю, с каким волнением читал первую критическую статью о своей повести в журнале «Книга молодежи» (орган ЦК ВЛКСМ, № 12, 1932 г.). В этой статье под заголовком «В активе комсомольской литературы» автор подверг критическому разбору первую книгу моей повести «Как закалялась сталь» <...> Наряду с ценными указаниями на недостатки книги, с конкретным разбором неудач сюжета автор статьи пишет: «...В книжке имеются кое-какие и словесные шероховатости, недоработанность языка, избытые описания».

Ответа, в чем заключается эта недоработанность, в своей статье автор не дал, а это мне больше всего нужно <...>

О языке книги только два слова — «недоработанность языка». Я этим примером хочу сказать товарищам, работающим на критическом фронте: выбросьте из своих статей общие фразы, объявите им войну, как объявлена война всем извращениям языка. Пусть каждая фраза будет конкретна, а не «вообще». Вы первые должны атаковать все словесные фиглярства, и при совместной работе писателей и критиков мы достигнем желанных результатов, очистим язык художественных произведений от всей накипи, снижающей ценность и качество труда работников литературы.

Борьба за чистоту языка в художественной литературе должна быть направлена не только против искажения слов, — это лишь часть проблемы, главное же — это умение построить фразу,

дать яркий образ, чтобы из грамотно написанных слов не получилась безграмотная путаница.

Архитектор, прежде чем построить изумляющее своей красотой и стилем здание, кроме любви к своему искусству и таланта, годами учится технике строительства, азбуке архитектуры. Думаю, не ошибусь, если выскажу предположение, что многие из нас, молодых писателей, не овладели азбукой литературы. В нашей стране, исключительной по своему строю, самой свободной стране в мире, выходят из печати десятки и сотни произведений, которые нужно назвать «первой пробой руки». Это работа учеников — подмастерьев художественной литературы. Только у нас возможно это. Но, получив право еще в ученическом периоде печататься, неизбежно внося в литературу сырой полуфабрикат, молодой писатель не имеет права забывать, что страна дает ему аванс за счет его таланта, искорки которого вспыхивают в его произведениях среди беспомощных, детских нагромождений, и что этот аванс он должен вернуть. Оплатить этот счет можно лишь одним — ростом на основе большой и упорной учебы, овладением техникой, а для этого нужна учеба, учеба и еще раз учеба<...>

Только так мы должны подходить к своим ошибкам, не зазнаваться, написав неплохую книгу, помня, что писатель выдвинут на передовую линию огня, и наша партия требует, чтобы каждое слово его било в цель, чтобы его образы зажигали сердца, а для этого надо знать свое оружие и уметь им владеть.

Я открываю первую книгу своей повести, вновь читаю, вернее, слушаю знакомые строки, и статьи великого мастера открывают мне глаза, я вижу, где написано плохо, и ряд слов, ненужных и нарочитых, безжалостно зачеркивается. И если повести суждено снова выйти в свет, то их уже в ней не будет<...>

Статьи Горького — это освежающая струя, это призыв к честному, ответственному труду. Великий мастер не очень ласков, когда говорит о людях, «оседлавших» славу. Но чем страстнее его удары, тем скорее будет сделан поворот.

Критика А. М. Горького глубоко принципиальная, он не убивает, он только возвращает к действительности тех, кто забыл меру.

Николай Островский. Сочинения, т. 2. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1953, стр. 189—194.

Н. А. ОСТРОВСКИЙ

1. Статья Н. Островского «За чистоту языка» явилась откликом писателя на дискуссию о языке художественных произведений, начатую А. М. Горьким.

Заслуга Н. Островского заключалась в том, что он одним из первых оценил огромное значение борьбы за чистоту, богатство и выразительность литературного языка, которые последовательно велись А. М. Горьким. В своей статье писатель затрагивает значительные проблемы языка художественной литературы и решает их с горьковских позиций.